

Любимый детектив
Английской королевы

На момент своего выхода это лучший роман Энн Перри.

The Kirkus Review

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство
вкуче с постыдным социальным казусом –
и она напишет такой викторианский детектив,
которому позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля
может так красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно прорисовать
его детали и воссоздать настроение
той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Энн Перри,
то вы можете смело рассчитывать на то,
что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питтах

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо

Энн
Терри

Чужое лицо

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82 (1-87)
ББК 84 (4Вел)
П 27

Anne Perry
THE FACE OF A STRANGER
Copyright © 1990 Anne Perry

Дизайн серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *П. Трофимова*

Перри, Энн.

П 27 Чужое лицо / Энн Перри ; [пер. с англ. А.И. Кириченко]. — Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Любимый детектив Английской королевы).

ISBN 978-5-699-73485-6

Инспектор лондонской полиции Уильям Монк пришел в себя в больнице — и понял, что не помнит абсолютно ничего. Ни почему он оказался здесь, ни что служит в полиции, ни даже своего имени; все это ему рассказал его начальник. Окрепнув физически, Монк вышел на службу и с головой окунулся в работу. Но вот какие дела он вел, Уильям тоже не помнил. И признаться в потере памяти не мог — иначе был бы объявлен непригодным к сыскной профессии и остался бы без средств к существованию. А ведь до несчастья Монк был отличным полицейским — это он уже понял. Теперь инспектору придется разбираться с нуля одно сложное дело, которое, если останется нераскрытым, грозит Уильяму крупными неприятностями...

Роман «Чужое лицо» — первый из серии об инспекторе Монке.

**УДК 82 (1-87)
ББК 84 (4Вел)**

© Кириченко А. И., перевод
на русский язык, 2014

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-73485-6

*Кристине М. Дж. Линч,
в благодарность за возобновление
старой дружбы*

Глава 1

Он открыл глаза и увидел над собой нечто серое и однообразное, похожее на зимнее небо — угрожающее, тяжелое. Моргнул и взглянул снова. Он лежал на-взничь, а бледно-серое нечто было всего-навсего потолком, потемневшим от сажи и многолетних испарений.

Он пошевелился. Кровать оказалась короткой и жесткой. Сделал попытку сесть, и движение отозвалось острой болью. Казалось, в грудь всадили кинжал. Ныла туго забинтованная левая рука. Стоило приподнять голову — и кровь начинала бить в виски с тяжестью молота.

В нескольких футах стояла еще одна деревянная койка — точное подобие той, на которой лежал он сам. Там, под серым скомканным одеялом, беспокойно ворочался человек с одутловатым лицом. На рубашке его темнели пятна пота. Дальше — еще один лежащий; ноги спеленаты пропитанными кровью бинтами; потом еще один... и так до самого конца огромной комнаты, где под испятнанным копотью потолком чернела пузатая печь.

Паника овладела лежащим, обдала его покалывающим кожу жаром. Он — в работном доме! Боже милостивый, как такое могло случиться?

Однако день был в полном разгаре. Неловко извернувшись, он оглядел помещение. На выстроившихся вдоль стены койках лежали люди. Ни один работный

дом страны не мог позволить себе такой роскоши! Всех бы подняли и отправили трудиться, если не ради спасения их душ, то хотя бы ради прибылей рабочего дома. Грех праздности не прощался даже детям.

Конечно, это больница. Иначе и быть не может! Почувствовав облегчение, он осторожно опустил голову на подушку, набитую отрубями. Как его занесло сюда и какое несчастье с ним стряслось, он не помнил, хотя рука была, несомненно, повреждена — ныла и плохо слушалась. Каждый вздох вызывал острую боль в груди. В голове уже бушевала настоящая буря. Что случилось? Должно быть, нечто серьезное. Рухнула стена? Сбросила лошадь? Упал с высоты?.. Воспоминаний не было — даже страха своего он и то не смог припомнить.

Затем над ним склонилась ухмыляющаяся физиономия, и бодрый голос произнес:

— Ну, что, гляжу, снова очнулись?

Лежащий смотрел вверх, на круглое, как луна, лицо. Грубоватое, покрытое мелкими морщинами, оно широко улыбалось, обнажая щербатые зубы.

Нужно было собраться с мыслями.

— Снова? — растерянно переспросил он. Пустое гулкое прошлое лежало позади, подобно белому бесконечному коридору.

— А то нет, чтоли? — отозвался добродушный голос. — Вы тут уж несколько дней валяетесь. Имя свое, чай, так и не припомнили? Ну, как вы сегодня? Как рука?

— Мое имя? — Он действительно ничего не помнил. Не помнил собственного имени? Что за бред! Как можно забыть собственное имя? Его зовут...

— Ну, так как? — настаивал голос.

Мысленное усилие не вызвало ничего, кроме паники. В голове — словно вьюга, непроглядный снежный круговорот.

— Не помните. — Голос был исполнен сожаления. — Так я и думал. Ну, тута позавчера были ищейки и сказали, что вы — Монк. Уильям Монк. Что ж вы такого натворили, если за вами ищейки приходят? — Огромной рукой служитель поправил подушку и одернул одеяло. — Можя, хотите похлебать чего горячего? А то ведь холодно — даже здесь... Июль, а погода — как в треклятом ноябре! Я принесу вам горячей овсянки, ежели хотите... А дождь-то, дождь — хлещет и хлещет...

— Уильям Монк? — повторил он.

— Ну да, так сказали ищейки. Того, что приходил, звали Ранкорн, да... Мистер Ранкорн, инспектер, важная шишка, во как! — Мужчина вздернул лохматые брови. — Так что вы там натворили-то? Вы, верно, один из тех щеголей, что выуживают у желтменов кошельки и золотые часики? — Круглые ласковые глаза смотрели, однако, без тени осуждения. — Когда вас сюда принесли, одежонка на вас была самая что ни на есть господская — правда, грязная, порванная и вся в крови.

Монк не ответил. Голова у него шла кругом от бесплодных попыток извлечь хоть что-нибудь из отуманенной памяти. Даже имя свое он словно слышал впервые. «Уильям», правда, звучало привычно, но это весьма распространенное имя. У каждого есть дюжина знакомых Уильямов.

— Так, значицца, и не припомнили... — дружелюбно заключил служитель. Он навидался здесь всякого, и никакие ужасы и странности не могли уже его удивить. На его глазах люди умирали от чумы и оспы или лезли на стены от страха перед тем, чего на самом деле не существовало. Взрослый человек, который не мог вспомнить вчерашний день, был ему любопытен, но не более того. — Или просто не хотите кричать? — продолжал он. — Ну, я вас не виню. — Он пожал плечами. — Ищейкам только словцо скажи — сразу вцеплются... Так как насчет овсянки? Вкусная, густая, тока что с плиты!..

Монк был голоден; кроме того, даже под одеялом его пробиравал озноб.

— Да, пожалуй, — согласился он.

— Вот и славно, овсянка не повредит. Ох, чует мое сердце, завтрачка вы на меня опять оставите, когда я вам скажу, как вас зовут. — Служитель покачал головой. — Либо вы крепко обо что-то шандалахнулись головой, либо чего-то от них скрываете. Ну, от ищеек... Не, но что ж вы все-таки натворили? Сперли бриллианты из короны? — И мужчина, посмеиваясь, двинулся к чернеющей в глубине палаты печке.

Полиция! Да уж не вор ли он? Предположение было отвратительным, причем само по себе, независимо от страха перед наказанием. Тем не менее даже эту мысль отбрасывать не следовало.

Кто он? Что за человек? Пострадал ли, совершая отважный благородный поступок, или же, напротив, был затравлен, как зверь, за какое-то преступление? Или оказался просто жертвой, бедолагой, подгадавшим неудачное время и место?

Он еще раз обшарил свою память и не нашел ничего. Он должен был где-то жить, знать каких-то людей, их лица, голоса, характеры. И тем не менее — ни единого воспоминания! Грязная больничная палата — вот и все, что он теперь знал.

Да, но его-то кое-кто знал хорошо. Полиция, например.

Служитель принес овсянку и принялся заботливо кормить Монка с ложечки. Варено было густым и безвкусным, но больной все равно почувствовал благодарность. Потом он снова лежал на спине, со страхом напрягая опустевшую память, однако сон оказался сильнее страха.

По крайней мере, проснувшись следующим утром, он уже точно знал, как его зовут и где он находится. Скучные события предыдущего дня вспомнились без

труда: служитель, горячая овсянка, стонущий и ворочающийся мужчина на соседней койке, сероватый потолок, грубое одеяло и резкая боль в груди.

О времени он и понятия не имел, но, видимо, когда в палату вошел полицейский, было уже за полдень. Пришедший оказался крупным представительным мужчиной, хотя, может быть, вся представительность его заключалась в форменном плаще и цилиндре столичной полиции. У него было костистое длинноносое лицо, широкий рот и настолько маленькие и глубоко посаженные глаза, что трудно даже было сказать, какого они цвета. Выражение лица — скорее приятное, несмотря на сдвинутые брови и поджатые губы. Посетитель остановился у койки Монка.

— Ну, на этот раз вы меня узнали? — бодро спросил он.

Уильям не покачал головой — это причинило бы ему боль.

— Нет, — просто ответил он.

Подавив раздражение и некоторую растерянность, полицейский оглядел Монка с ног до головы, нервно прищурил при этом один глаз, словно прицеливаясь.

— Сегодня вы выглядите получше, — произнес он.

Трудно сказать, было ли это правдой. Возможно, Ранкорн просто хотел ободрить Монка. Если на то пошло, Уильям вообще не имел понятия о собственной внешности: черноволосый он или белокурый, красивый или уродливый? Хорошо ли сложен?.. Он еще даже рук своих ни разу не видел, не говоря уж о скрытом под одеялом теле.

— Полагаю, вы так ничего и не вспомнили? — продолжал Ранкорн. — Я имею в виду: не вспомнили, что с вами случилось?

— Нет. — Монк чувствовал крайнюю неуверенность. Был с ним этот человек знаком лично или же только понаслышке? Может быть, Ранкорн настолько влия-

тельное лицо, что его знает каждый? Преследует он Монка по долгу службы, или же все, что ему требуется, это информация?

Монк лежал на койке, закутанный в одеяло до подбородка, и тем не менее чувствовал себя обнаженным и уязвимым. Инстинктивно он старался скрыть, спрятать эту свою слабость. На свете были десятки, сотни знавших его людей, он же не знал из них никого. Даже не знал, кто его любит, а кто ненавидит, кому он помог в прошлом, а кому причинил вред. Он напоминал человека, умирающего от голода, но не уверенного в том, что лежащая перед ним пища не отравлена.

Монк снова взглянул на полицейского. Служитель вчера назвал его имя — Ранкорн. Пора было на что-то решаться.

— Я попал в катастрофу? — спросил Уильям.

— Похоже на то, — сухо ответил Ранкорн. — Ваш кэб перевернулся. Все указывало на удар страшной силы. Должно быть, лошади испугались и понесли. — Он покачал головой, опустив уголки рта. — Кэбмен расшибся насмерть, бедняга. Разбил голову о бордюрный камень. Вы были внутри, и это, полагаю, смягчило удар. Пришлось повозиться, пока вас оттуда извлекли. Вы были все равно что труп. Никто и не думал, что вы окажетесь таким крепким парнем. Совсем ничего не помните? Даже страха? — И он снова прищурил левый глаз.

— Нет. — В памяти Монка так ничего и не прояснилось; не было там ни скачки, ни удара, ни даже боли.

— И что вы расследовали, тоже не помните? — продолжал Ранкорн без особой надежды в голосе. — Каким делом вы тогда занимались?

Внезапно блеснула надежда, но Монк теперь боялся задать вопрос, боялся, что надежда эта рассыплется в прах от малейшего прикосновения. Он всматривался в длинное лицо Ранкорна. Несомненно, они были зна-

комы и часто встречались, может быть, даже ежедневно. И все же память отказывалась это подтвердить.

— Ну, так что же? — настаивал Ранкорн. — Вспомнили? Мы же вас не посылали туда! Какого дьявола вы там делали? Вы что-то раскопали сами? Вспомните, что именно.

Пелена была непроницаемой.

Монк осторожно качнул головой. Надежда сменилась радостной уверенностью. Он был сыщик, вот почему они его знали! Он не был ни вором, ни беглецом.

Заметив, что лицо больного просветлело, Ранкорн чуть склонился над ним, всмотрелся пристальней.

— Вспомнили что-то? — торжествуя сказал он. — Ну, давайте, давайте: в чем было дело?

Монк не смог бы объяснить ему, что воспоминания тут ни при чем — просто рассеялся его главный страх. Нет, удушливая завеса никуда не делась, но исчез этот привкус специфической опасности.

Ранкорн ждал, неотрывно глядя на Монка.

— Нет, — медленно проговорил тот. — Нет, не помню...

Ранкорн выпрямился и вздохнул, с трудом беря себя в руки.

— Мы еще вернемся к этому.

— Сколько я уже здесь? — спросил Монк. — Я потерял счет дням.

Это прозвучало вполне убедительно — с больными такое случается часто.

— Больше трех недель. Сегодня тридцать первое июля... тысяча восемьсот пятьдесят шестого года, — не удержавшись от сарказма, добавил Ранкорн.

Боже правый! Больше трех недель, и он помнит из них только вчерашний день! Монк закрыл глаза. Три недели? Нет, дело обстояло гораздо хуже — он утратил всю свою прошлую жизнь. Вчерашний день — вот все, что осталось от... Кстати, сколько ему лет? Сколько лет

исчезли бесследно из его памяти? Паника овладела им, и Монк едва удержался от крика. Да помогите же мне кто-нибудь, скажите, кто я! Верните мне мою жизнь, верните мне меня!

Но мужчинам не положено кричать на людях; впрочем, им и в одиночестве кричать не положено. Весь в холодном поту, Монк лежал неподвижно, судорожно прижимая руки к телу. Ранкорн решит, что это боль, обыкновенная физическая боль. Монк не должен выдать ни намеком, что полностью утратил память. Его уволят со службы — и тогда прямая дорога в рабочий дом, к изматывающему, ежедневному, безнадежному и бессмысленному труду.

Он заставил себя вернуться к действительности.

— Больше трех недель?

— Да, — ответил Ранкорн. Затем откашлялся. Возможно, он был смущен. Что еще сказать человеку, который не помнит ни тебя, ни себя? Монк прекрасно его понимал.

— Мы еще вернемся к этому, — повторил Ранкорн. — Когда вы встанете на ноги и сможете снова начать работу. Вам, конечно, потребуется отпуск, чтобы восстановить силы. Возьмите неделю-другую. Но не больше. А затем явитесь в участок. Надеюсь, тогда все и прояснится.

— Да, — сказал Монк, но исключительно для того, чтобы успокоить Ранкорна. Сам он в это уже не верил.

Тремя днями позже Монк покинул больницу, сразу, как только поднялся с постели. В подобных заведениях лучше не задерживаться. И дело тут не только в экономии, просто больница — место опасное. Известно, что пациенты чаще умирают, подхватив у соседа по палате какую-нибудь заразу, нежели от своих собственных недугов или увечий. Во всяком случае, так уверял добродушный служитель — тот самый, что сообщил Монку его имя.

В это легко верилось. За несколько дней Уильям имел возможность наблюдать, как доктора переходят от страдающего лихорадкой к больному оспой, затем — к истекающим кровью жертвам несчастных случаев, и обратно. Заскорузлые бинты валялись на полу; прачки не успевали их отстирывать, хотя за свои жалкие гроши работали не покладая рук.

Честно говоря, бывало, что иногда по ошибке в палату принимали больных тифом, холерой или оспой. Впоследствии ошибка, конечно, исправлялась и бедняг отправляли на карантин в их собственные дома, где у них оставался выбор: умереть или с божьей помощью выжить. Таким образом, вред обществу наносился минимальный. Что означает черный флаг, болтающийся в конце улицы, было известно всем.

Ранкорн оставил Монку его плащ и цилиндр, тщательно вычищенные после несчастного случая. По крайней мере, вещи пришлись Уильяму впору, разве что плащ был слегка великоват; впрочем, это объяснялось нынешней худобой больного. Дело поправимое. Монк уже знал, что мужчина он крепкий, высокий, стройный, однако лица своего, старательно выбритого служителем, не видел еще ни разу. Он, правда, часто ощупывал лицо кончиками пальцев, когда никто не смотрел в его сторону. Крепкие кости, широкий рот — это пока все, что он мог сказать. Руки же гладкие, без мозолей, с черными волосками на тыльной стороне ладоней.

В карманах он обнаружил восемь шиллингов и одиннадцать пенсов. Должно быть, плату за лечение вычтут из его жалованья. Будем надеяться, что жалованье у него значительное... Кроме монет, Монк извлек из кармана носовой платок и конверт, на котором значилось его имя и адрес — Графтон-стрит, 27. В конверте был счет от портного.

Озираясь, Уильям стоял на больничном крыльце. Место было ему незнакомо. Денек выдался солнечный,

пробегали быстрые облака, налетал теплый ветерок. Ярдах в пятидесяти располагался перекресток; там махал метлой мальчуган, убирая конский помет и прочий мусор. Прокатил экипаж, запряженный парой высоко ступающих гнедых лошадей.

Все еще чувствуя слабость, Монк сошел по лестнице и двинулся к главной улице. Прошло минут пять, прежде чем ему посчастливилось заметить свободный кэб. Он остановил экипаж и назвал вознице адрес. Откинувшись на сиденье, Уильям смотрел на улицы и площади, по которым они проезжали. То и дело мелькали встречные экипажи, кареты с ливрейными лакеями на запятках, а большей частью — кэбы, подводы, телеги. Монк видел лоточников и мелких торговцев; мужчину, продающего только что пойманных угрей, и другого — с горячими пирогами. Чуть дальше громко предлагали пудинг с изюмом. Выкрики звучали весьма соблазнительно; Уильям был голоден, но понятия не имел, сколько все это может стоить, поэтому остановить кэб так и не решился.

Мальчишки-газетчики тоже что-то выкрикивали, но что именно — трудно было разобрать сквозь стук подков. Одноногий калека продавал спички.

Уличные картинки были знакомы Монку, но гнездились они где-то очень глубоко в памяти. Названий улиц, например, он решительно не мог вспомнить.

Тоттенхэм-Корт-роуд. Весьма оживленное место: экипажи, телеги; женщины в широких юбках перешагивают через забитую мусором сточную канаву; двое подгулявших солдат в красных мундирах смотрят и смеются; рядом — цветочница и две прачки.

Кэб свернул на Графтон-стрит и остановился.

— Приехали, сэр. Номер двадцать семь.

— Благодарю вас.

Монк неуклюже выбрался из кэба, он был еще слишком слаб. Даже такое легкое усилие далось ему с тру-

дом. Уильям не знал, сколько следует заплатить вознице, и протянул ему на ладони флорин¹, два шестипенсовика, пенни и полпенни.

Возница поколебался, затем выбрал шестипенсовик и полпенни, приподнял шляпу и, хлестнув вожжами по крупу лошади, уехал, оставив Монка на мостовой. А тот еще долго не мог ни на что решиться, объятый самым настоящим страхом. Он не имел ни малейшего понятия, что или кто ожидает его в этом доме.

Мимо прошли двое мужчин, поглядели удивленно. Должно быть, сочли его заблудившимся. Положение было дурацкое. Кто выйдет открывать на его стук? Кто-нибудь с ним знакомый? Если он здесь жил, все его должны знать. Да, но насколько близко? С кем он сейчас столкнется: с другом или просто с хозяином дома? Забавно, но Монк даже не знал, есть ли у него семья!

Впрочем, в этом случае близкие непременно навести бы его в больницу, выяснив у того же Ранкорна, где сейчас находится их родственник. Или Монк был из тех людей, которые не способны вызвать любовь и довольствуются учтивостью сослуживцев? Ранкорн тоже приходил исключительно по долгу службы? А сам Монк — был ли он хорошим полицейским, мастером своего дела? Так любили его или нет? Стоп. Что за нелепая патетика!

Уильям заставил себя встряхнуться. Какое ребячество! Если бы у него была семья: жена, или брат, или сестра — Ранкорн бы сказал об этом. Монку предстояло расследовать собственную жизнь; ну что ж, на то он и сыщик. Он изучит каждый ее кусочек и соберет их вместе, чтобы получилась цельная картина. И начнет

¹ В 1849 г. в Англии начали чеканить серебряную монету достоинством в 2 шиллинга и называвшуюся флорин. Введена из обращения в 1993 г.